

5. Демографический энциклопедический словарь / Под ред. Д.И. Валентея. М., 1985.
6. Грант Н. Конфликты XX века: Иллюстрированная история. М., 1995. С.9.
7. Русская силлабическая поэзия XVII - XVIII вв. Л., 1970. С.139.
8. Культура мира и демократии. М., 1997. С.62-63.
9. Там же. С.67-68.
10. Рудницкая Е.Л. Идея мира в русской общественной мысли XIX в. // Долгий путь российского пацифизма. М., 1997. С.73.
11. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. М.-Л., 1937-1949. С.480.
12. Солженицын А.И. Мир и насилие // Публицистика. Ч.1. Статьи и речи. М., 1989.
13. Вяземский Е.Е., Стрелова О.Ю. Методика преподавания истории в школе. М., 1999. С.17.
14. Николай Рерих. Ростов-на-Дону, 1999. С.117.
15. Комсомольская правда. 2008. 31 января — 7 февраля.
16. История для завтрашнего дня. М., 1999. С.29.
17. Шалимов О.А. В плену у фурии войны // Долгий путь российского пацифизма. М., 1997. С.220.

**Сперанский А.В.
(Екатеринбург)**

Марксистская методология в современной истории России

До 1990-х гг. в отечественной истории господствовала марксистская методология. В силу известных причин она рухнула, не выдержав, главным образом политических и идеологических ударов. Первоначально возник вакуум, который затем стал стремительно заполняться самыми разнообразными концепциями, схемами и моделями: от архаичных до супермодерновых. В результате в методологии изучения отечественной истории возникла ситуация, называемая «российским феноменом», суть которого заключалась в том, что на смену тоталитарной методологии пришла «концептуальная анархия» (1). Причем если в западной методологии, концепции последовательно сменяли и сменяют друг друга, то в России 1990-х гг. все они стали функционировать и конкурировать в одно время, в одном историческом поле.

Отношение российских историков к этому концептуальному хаосу

было неоднозначно:

1. историки-практики (эмпирики) отнеслись к нему достаточно прохладно, как к очередной не нужной схоластике;

2. историки-теоретики (методологи) забили тревогу, объявив кризис в отечественной методологии. При этом четко проявилось два взгляда:

– одни стали говорить о глобальном кризисе, опустившем российскую методологию истории на задворки мировой;

– другие видели лишь частичный кризис, проявлявшийся якобы только в отраслях отечественной истории тесно связанных с политикой (история КПСС, история СССР, отдельные разделы новой и новейшей истории) (2).

Однако, несмотря на разноплановость в оценках, само наличие методологического кризиса, заставляет искать из него выход. Уже с начала 1990-х гг. в отечественной истории предпринимаются определенные попытки наведения хотя бы относительного порядка на «методологической кухне», путем инвентаризации и оценки имеющихся концепций.

На сегодняшний день можно сказать только одно. Марксизм полностью утратил роль системообразующего начала в процессе осмысления русской истории. В методологическом поле истории России монистическая интерпретация полностью заменена концептуальным плюрализмом. Что касается наведения методологического порядка в сфере осмысления исторического процесса, как в мировом, так и в российском масштабе, то проведенная инвентаризация имеющихся схем, моделей и концепций явственно показала наличие по крайней мере трех макротеорий, включающих в свою орбиту близкие к друг другу теоретические воззрения. По нашему мнению, в методологическом поле русской истории XX века сегодня имеют место быть:

– формационный подход, лишившийся монополии на истину, но в силу своей аргументированности и логичности сохранивший влияние на процесс исторического осмысления;

– цивилизационный подход, первоначально представлявшийся в виде некой эклектичной альтернативы марксизму, но затем логично вписавшийся в традицию локально-исторического восприятия мировой и российской истории;

– модернизационный подход, активно разрабатывающийся сегодня как самостоятельная концептуально-методологическая

интерпретация, при этом удачно включающая в себя лучшие наработки двух выше обозначенных исторических точек зрения.

Необходимо отметить, что обозначенные воззрения на развитие человеческого общества, выходят за рамки сугубо исторического восприятия этого процесса, обосновываются и развиваются не только историками-методологами, но и представителями других смежных гуманитарных наук (философами, политологами, социологами и др.), поэтому вполне могут претендовать на роль своего рода метатеорий (3).

Как уже отмечалось формационный (марксистский) взгляд на историю, в силу демократических перемен, произошедших в России на рубеже XX-XXI веков, перестал играть главенствующую роль. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. были подвергнуты фронтальной критике все его основополагающие составляющие:

- экономический детерминизм;
- линейный прогрессизм;
- формационный редуccionизм.

Под сомнение были поставлены главенство экономического фактора в процессе общественного развития, идея поступательного прогрессивного движения человечества, упрощенное «пятичленное» восприятие этого движения.

Однако, несмотря на потерю монополистских позиций в понимании русской истории и социальный дискомфорт, определенный политическими и идеологическими реалиями, марксизм сохранил свое место в поле исторической методологии современной России. Ко второй половине 1990-х гг. огульная критика формационных представлений, основанная в большей степени на политических, чем на научных соображениях, поутихла. В оценках диалектико-материалистического понимания жизнедеятельности российского социума стал преобладать рационалистический подход, предполагающий инвентаризацию марксизма и использование целого ряда его положений при конструировании новых исторических моделей.

Сегодня большинство здравомыслящих историков признает, что марксизм в своем ортодоксально-официальном виде ограничивал многовариантное восприятие исторического процесса, сводя его к вульгарной редукции. Однако, в тоже время, его методология позволяла и позволяет отделить главное от второстепенного, выявить основные тенденции и закономерности исторического процесса.

Нам представляется возможным разделить марксизм, как методологию исторического понимания мирового развития, воздействовавшую и воздействующую на осмысление истории России на три направления:

- западный марксизм;
- советский официальный марксизм;
- советский творческий марксизм;

Конечно, это достаточно условное и несколько утрированное деление. Но оно позволяет, по нашему мнению, отделить «зерна от плевел», отказаться от политико-конъюнктурных нападок на «поверженного врага» и показать «рациональное зерно» формационной (марксистской) интерпретации истории, используемое и сегодня, как западными, так и некоторыми российскими учеными.

Прежде всего, напомним, что уважительное отношение к марксизму, как к одной из разновидностей исторической методологии проявляло большинство известных сегодня у нас в стране корифеев западной исторической науки. Так, крупный английский историограф Дж. Иггер, определяя наиболее значимые в понимании мировой истории методологические концепции, назвал марксизм в безусловной тройке лидеров, наряду со структурализмом и методологией квантификации (4). Высокое мнение о формационном подходе имели М. Блок, Ф. Бродель, М. Вебер и др. Более того, многие знаменитые европейские и американские исследователи, такие как И. Валлерстайн, Э. Томпсон, Э. Хобсбоум и др., в своих трудах придерживались и придерживаются марксистской методологии.

«Ренессанс марксизма» на Западе начался со второй половины XX века как некая альтернатива господствующему в историческом познании релятивизму и субъективизму. В результате, сформировались очень сильные марксистские исторические школы в США, Великобритании, Франции, Италии и ряде других стран. Это возрождение происходило на основе известной модификации марксистского понимания истории, сущность которой заключалась в освоении и соединении с марксизмом целого ряда положений, сформулированных в сфере немарксистского понимания исторического процесса. Наиболее эффективным в плане усовершенствования марксистских представлений о мировой истории, стало сотрудничество со «школой Анналов». Западные историки-марксисты отказались от почти ритуального поклонения

экономическому фактору, как основному двигателю истории. В целом не отрицая его значимость, но и не выделяя в виде основополагающего, они восприняли и стали активно использовать в своих исследованиях наработки «школы Анналов»:

- фактор ментальностей в понимании исторического процесса;
- человеческий фактор, как важнейший объект исторических исследований;
- междисциплинарный подход в изучении истории;
- изучение «тотальной истории», демонстрирующей прошлую действительность во всех составляющих ее элементах.

В первую очередь это позитивное взаимопроникновение активно проявилось в Англии, давшей миру наиболее ярких выразителей марксистского подхода в западной исторической науке, среди которых в первую очередь должны быть названы Э. Томпсон, Э. Хобсбоум, Дж. Рюде, К. Хилл, Р. Хилтон, А. Мортон. Эти историки совместно с близкими им по взглядам немарксистскими учеными создали журнал «Паст энд Презент», приобретший широкую известность и вполне сопоставимый по своему влиянию на мировую историческую науку с французскими «Анналами» (5).

Что касается марксистской методологии, господствующей в советской историографии XX века, то ее нельзя оценивать однозначно. Как уже отмечалось выше, она распадалась на «официальную» и «творческую». Советский официальный марксизм, которого придерживалась львиная доля историков, действительно страдал догматизмом и базируясь на экономическом детерминизме, линейном прогрессизме, формационном редукционизме, старался не допустить каких-либо отклонений в сторону от «генеральной линии», обрушиваясь на «самостоятельных» и «непослушных» как западных, так и «своих» ученых обвинениями в ревизионизме. Однако мы видим, что западный марксизм мало реагировал на стенания ортодоксов из СССР, активно взаимодействуя с другими направлениями исторической мысли, что позволяло ему не топтаться на месте, а обогащаться и развиваться. Да и внутри советской исторической школы, нет, нет, да проявлялись ростки инновационного осмысления марксизма.

На наш взгляд, большое значение и для сегодняшнего понимания истории России имеют методологические разработки, сделанные сектором методологии истории, действовавшим при Институте истории АН СССР с 1964 по 1969 гг. под руководством М.Я. Гефтера.

Попавший в немилость к властям, а потому упраздненный сектор, все же успел опубликовать целый ряд работ, подвергших критике «методологию мобилизации цитат классиков марксизма-ленинизма» для обоснования выводов в научных исследованиях и предлагавших «новое прочтение» марксистской концепции (6).

Серьезной подвижкой в творческом осмыслении марксистской методологии истории можно считать размышления А.Я. Гуревича о научной несостоятельности механического применения некоторых фундаментальных законов марксизма к исторической эмпирии (7). Практически одновременно с высказываниями А.Я. Гуревича, в рамках методологии марксизма возникла дискуссия о понимании категории «историческая закономерность», которая ограничила сферу безраздельного господства вульгарного детерминизма и подтолкнула ученых к изучению проблем исторической возможности, исторической вероятности и исторической случайности. Продолжение этой работы позволило подойти к разработке теории альтернатив исторического развития России (8).

Постоянно будоражили «бастионы догматического марксизма» дискуссии об азиатском способе производства, объективно направленные на критическое восприятие примитивной «пятичленки» и иногда выходившие за пределы формационных представлений о мировой истории. В этой связи серьезным «камнем преткновения» были попытки объяснить противоречивое развитие стран «третьего мира», не вписывающееся в традиционные марксистские каноны и порождавшее элементы цивилизационного осмысления.

Первой попыткой использования методологического инструментария, созданного для описания истории так называемых «развивающихся стран», применительно к России, стала вышедшая в 1986 году монография И.К. Пантина, Е.Г. Плимака и В.Г. Хороса «Революционная традиция в России», где Россия, согласно цивилизационным представлениям, была впервые отнесена к странам «второго эшелона развития капитализма» (9). Опыт дискуссий об общественно-экономических формациях и азиатском способе производства использовал для объяснения советского периода истории России в 1991 г. Н.А. Симония (10).

Серьезной поддержкой в научных кругах заручилась критика «истории одной страны» Б.Ф. Поршнева, давшая толчок для изучения истории России «в контексте мировой истории». Целый ряд

методологов призывали возвратиться к раннему Марксу, «гуманизировать» и «психологизировать» его концепцию «изучая психологию различных социальных групп на разных этапах развития истории».

Таким образом, мы видим, что марксистская методология понимания исторического процесса имела тенденцию к развитию даже в условиях преобладания в советской историографии монистических представлений. Поэтому вполне логично, что она сохранила за собой место в поле современной методологии истории России, базируясь в первую очередь, не на догмах потерявшего силу официоза, а на инновациях, характерных для творческого восприятия марксизма.

Справедливости ради отметим, что идеологические штампы и политические ярлыки, навешанные на марксизм в годы «бурных демократических перемен» до сих пор заставляют большинство серьезных исследователей истории России дистанцироваться от объявленной ранее «единственно верной» теории. Однако то, что марксизм пусть несколько в завуалированной форме присутствует в современной российской историографии – неоспоримый факт.

К примерам изложения марксизма на основе новой терминологии можно отнести взгляды известного историка и философа Ю.И. Семенова, попытавшегося объяснить историю и крах советского коммунизма в работе «Россия: что с ней случилось в двадцатом веке». Вскрывая сущность, господствовавшего в СССР политического режима, Семенов опирается:

- на идеи Л.Д. Троцкого, М. Джиласа, М.С. Восленского о бюрократическом перерождении реального социализма;
- на мысли П. Сорокина, Н. Бердяева о классовом расслоении, эксплуатации и угнетении, характерном для социализма;
- на марксистскую концепцию об азиатском способе производства;
- на исследования феномена восточного деспотизма.

В центре исторической конструкции, выстраиваемой автором, находится тезис итальянского марксиста Бруно Рицци, о том, что общества называемые социалистическими, базируются на особом, антагонистическом способе производства, отличном от рабовладельческого, феодального или капиталистического. Он основывается на некой общеклассовой частной собственности, при которой класс эксплуататоров совпадает с ядром государственного

аппарата. При этом способе производства, называемом политарным (от греческого «полития» – государство), представители господствующего класса – «политаристы» (государственные чиновники, управленцы) владеют средствами производства и используют созданную ими же политосистему, возглавляемую политархом, для присвоения прибавочного продукта.

В России, по мнению Семенова, эта система утвердилась в 1920-30-е гг., активно используя репрессии для ликвидации контроля масс за деятельностью государственного аппарата (11).

К марксистской методологии относится также работа В.З. Роговина, представляющая собой трехтомник, на страницах которого автор пытается раскрыть феномен сталинизма, опираясь на альтернативный марксизм Л.Д. Троцкого. Работа базируется в основном на литературных источниках и по существу является популяризацией идей Троцкого о бюрократической эволюции сталинизма и перерождении реального социализма (12).

В рамках марксистской традиции написан труд Л.В. Милова «Великорусский пахарь». Работа посвящена истории русского крестьянства, но автор выходит за рамки эмпирического описания, обосновывая целый ряд методологических положений. В частности, отдавая должное марксизму, Милов пишет об его ограниченном применении при анализе аграрных отношений в России. Основной упор, по мнению автора, делался на описании классовой борьбы и процессах расслоения крестьянства, в то время как важнейшие проблемы технологии крестьянского производства, повседневная жизнь жителей русской деревни выпадали из поля зрения исследователей. Вульгарный детерминизм не давал возможности широкого осмысления роли природно-климатического фактора в истории народов России и Российского государства. По мнению Милова, сегодня необходимо расширение теоретико-методологических основ исследований, обогащение марксизма отечественной дореволюционной традицией. Автор предлагает активнее использовать труды С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, которые первые оценили роль природно-географического фактора. Неблагоприятные природные условия на большей части России имели важное влияние на темпы характер развития российского общества и обуславливали особую роль государства в истории нашего социума (13).

Тень марксизма стоит и за спиной концептуально-

методологических рассуждений И.Д. Ковальченко, пытающегося обосновать модель цивилизационного подхода к объяснению исторического процесса. Однако признание линейного, а не циклического характера прогресса, по нашему мнению, делают его выводы чрезвычайно близкими к марксистской методологии. Выделение Доиндустриального, Индустриального, Постиндустриального и Информационного этапов в истории человечества очень напоминает завуалированный марксизм и представляет внешне измененную формационную модель (14).

Наличие элементов марксизма, на наш взгляд, обнаруживается и в модернизационном осмыслении мировой и российской истории, тесно связанным с цивилизационным подходом.

1. Могильницкий Б.Г. Некоторые итоги и перспективы методологических исследований в отечественной историографии // Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 9; Он же. История исторической мысли XX века. Курс лекций. Вып. I. Кризис историзма; Вып. II. Становление «новой исторической науки». Томск, 2003.
2. Козлов В.А. Российская история. Обзор идей и концепций, 1992-1995 годы // Свободная мысль. 1996. № 4. С. 104.
3. Проскурякова Н.А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 154.
4. Iggers G. Historiography in the Twentieth Century: From Scientific Objectivity to Postmodern Challenge. New Haven, 1997; Селунская Н.Б. Методическое знание и профессионализм историка // Новая и новейшая история. 2004. № 4. С. 26.
5. Согрин В.В. История исторической мысли XX века // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 154, 155, 158
6. См.: Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1969.
7. Гуревич А.Я. Об исторической закономерности // Философские проблемы исторической науки. М., 1969; Он же. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М., 1989;
8. Волобуев П.В. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. М., 1987.
9. Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Революционная традиция в России. 1783-1883. М., 1986.
10. Симония Н.А. Что мы построили? М., 1991.
11. Семенов Ю.И. Россия: что с ней случилось в XX веке // Российский хронограф. 1993. № 20.
12. Роговин В.З. Была ли альтернатива? «Троцкизм»: взгляд через годы. М., 1992; Он же. Власть и оппозиция (1928-1933 гг.). М., 1993; Он же. Сталинский неонеп. М., 1994.

13. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
14. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 2003.